

Роберт Рождественский

Не думай о секундах свысока

НАЧАЛО

* * *

Вернуться б к той черте,
где я был мной.
Где прилипает к пальцам
хлеб ржаной.
И снег идет.
И улица темна.
И слово «мама» —
реже, чем «война».
Желания мои скупы.
Строги.
Вся биография —
на две строки.
И в каждой строчке
холод ледяной...
Вернуться б к той черте,
где я был мной.
Вернуться бы,
вернуться б к той черте,
где плачу я в полночной духоте,
где очень близко
губы и глаза,
где обмануть нельзя,
смолчать нельзя.
Измены —
даже мысленно —
страшны.

А звездам в небе
тесно от луны.
Все небо переполнено луной...
Вернуться б к той черте,
 где я был мной.
Не возвращаться б
 к той черте,
 когда
становится всесильной немота.
Ты бьешься об нее.
Кричишь,
 хрипя.
Но остается крик внутри тебя.
А ты в поту.
Ты память
 ворошишь.
Как безъязыкий колокол, дрожишь.
Никто не слышит крика твоего...
Я знаю страх.
Не будем
 про него.
Вернуться б к той черте,
 где я был мной.
Где все впервые:
светлый дождь грибной,
который по кустарнику бежит.
И жить легко.
И очень надо
 жить!

НАЧАЛО

Я родился —
нескладным и длинным —
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.

«Ребенок
удивительно смирный...» —
врач сказал обо мне.
...А соседка достала карты,
и они сообщили,
что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду ни в какие бури,
неудачи
смогу обойти
и что дальних дорог
не будет
на моем пути.
Что судьбою,
мне богом данной
(на ладони вся жизнь моя!),
познакомлюсь
с бубновой дамой,

такой же смирной,
как я..
Было дождливо и рано.
Жить сто лет
кукушка звала.
Но глупые карты
врали!
А за ними соседка
врала!
Наврала она про дорогу.
Наврала она про покой..
Карты врали!..
И слава богу,
слава людям,
что я не такой!
Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня.
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла меня!
Наделила мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,
не поверила
бабьим картам,
а поверила
ливням грибным.

ЮНОША НА ПЛОЩАДИ

Он стоит перед Кремлем.
А потом,
 вздохнув глубоко,
шепчет он Отцу и Богу:
«Прикажи...
И мы умрем!..»
Бдительный,
 полуголодный,
молодой,
знакомый мне, —
он живет в стране свободной,
самой радостной стране!
Любит детство вспоминать.
Каждый день ему —
 награда.
Знает то, что надо знать.
Ровно столько,
сколько надо.
С ходу он вступает в спор.
как-то сразу сатанея.
Даже
 собственным сомненьям
он готов давать отпор.
Жить он хочет не напрасно,
он поклялся
 жить в борьбе.

Все ему предельно ясно.
в этом мире
и в себе.
Проклял он
 врагов народа.
Верит, что вокруг друзья.
Счастлив!..

...А ведь это я —
пятьдесят второго года.

ИСТОРИЯ

История!

Пусть я —

наивный мальчик.

Я верил слишком долго,

слишком искренне,

что ты —

точнее

всяких математик,

бесспорней

самой тривиальной

истины...

Но что поделать —

мальчики стареют.

Твои ветра

по лицам их секут...

Секунды предъявляют счет столетьям!

Я говорю от имени

секунд...

История —

прекрасная, как зарево!

История —

проклятая, как нищенство!

Людей преображающая заново

и отступающая

перед низостью.

История —
 прямая и нелепая!
Как часто называлась ты —
 припомни! —
плохой,
когда была
 великолепною!
Хорошей —
хоть была
постыдно
подлой!
Как ты зависела
 от вкусов мелочных.
От суеты.
От тупости души.
Как ты боялась властелинов,
мерящих
тебя на свой
 придуманый аршин!

Тобой клянясь,
народы одурманивали.
Тобою прикрываясь,
земли
 грабили!
Тебя подпудривали.
 И подрумянивали.
И перекрашивали!
И перекраивали!

Ты наполнялась
криками истошными
и в великаны
возводила
хилых...

История!
Веселая
история!
Послушай!
Ты ж не просто
пыль архивов!
История!..
Сожми сухие пальцы.
Живое сердце
людям отвори.
Смотри,
как по-хозяйски
просыпаются
бессмертные создатели твои!
Они проглатывают
немудреный завтрак.
Торопятся.
Целуют жен своих.
Они
уходят!
И зеленый запах
взволнованно окутывает их.

Им солнце бьет в глаза.
Гудки
 аукают.
Плывет из труб
 невозмутимый дым...
Ты станешь
самой точною
наукою!
Ты станешь.
Ты должна.
Мы
так
хотим.

ДА, МАЛЬЧИКИ!

Мы — виноваты.
Виноваты очень:
Не мы
 с десантом
 падали во мглу.
И в ту —
 войной затаптанную —
 осень
мы были не на фронте,
 а в тылу.
На стук ночной
 не вздрагивали боязно.
Не видели
 ни плена,
 ни тюрьмы!
Мы виноваты,
что родились поздно.
Прощенья просим:
виноваты мы.
Но вот уже
 и наши судьбы
 начаты.
Шаг первый сделан —
 сказаны слова.
Мы начаты —
 то накрепко,
 то начерно.

Как песни,
 как апрельская трава...
Мы входим в жизнь.
Мы презираем бляенье.
И вдруг я слышу разговор о том,
что вот, мол, подрастает поколение.
Некстати... Непонятное...
 Не то...
И некто —
 суетливо и запальчиво, —
непостижимо злобой
увлечен,
уже кричит,
 в лицо нам
 тыча пальцем:
«Нет, мальчики!»
Позвольте,
 он — о чем?
О чем?
Нам снисхождения не надо!
О чем?
И я оглядываю их:
строителей,
поэтов,
космонавтов —
великолепных мальчиков моих.
Не нам брюзжать,
не нам копить обиды: